DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

оригинальная статья

УДК 321.01

Формы государственного устройства: терминологический аспект понятия империи

Галина С. Солодова [a, b, @]

[a] Институт философии и права СО РАН, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

[b] Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Кирова, 86

[@] gsolodova@gmail.com

Поступила в редакцию 05.11.2019. Принята к печати 03.12.2019.

Аннотация: Рост территориальной мобильности и этнокультурного разнообразия обусловливает поиск новых моделей внутренней и внешней политики. Как следствие – почти забытое слово *империя* возвращается в научный и публицистический дискурсы. Это относится и к отечественной, и к зарубежной практике. *Цель работы.* Исходя из того, что одним из залогов научной результативности является терминологическая определенность и понятийная согласованность, в статье предложено обратиться к различным трактовкам понятия империи. В работе нет намерения оппонировать или, напротив, лоббировать имперскую форму государственного устройства, предлагать какие-либо окончательные решения. Задача более скромна и нейтральна – попытаться внести свой вклад в более полное и беспристрастное рассмотрение данного вопроса, снять с него негативную коннотацию. *Методология.* Теоретико-сравнительный анализ понятия империи как формы государственного устройства. *Результаты.* На основе публикаций отечественных и зарубежных авторов проведен обзор различных интерпретаций понятия империи, показаны его многоаспектность и дискуссионность, предложены современные интерпретации. *Область применения результатов.* Разнородность территорий, периодов существования разных империй, использованных в них административно-управленческих механизмов может послужить некой призмой для оценки современных реалий и выбора потенциальных социальных стратегий. *Выводы.* Историческое многообразие видов имперского государственного устройства не позволяет вписать их в одну и ту же схему. Рассмотрение империи как транснациональной политии не дает оснований отнести данную форму государственной и политической организации к устаревшим и отжившим.

Ключевые слова: глобализация, полития, прямое правление, непрямое правление, однородность

Для цитирования: Солодова Г. С. Формы государственного устройства: терминологический аспект понятия империи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 4. С. 361–366. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

Введение

Существует сложившаяся тенденция интереса к имперской проблематике как в западной (*imperial studies*), так и в отечественной научной мысли [1–11]. Исходный посыл активного обсуждения обусловлен исторической укорененностью данной политии – империи являются одной из древних и устойчивых форм политической организации обществ и как тип государства «доминировали в истории государств мира»[1]. Иными словами, империя не была отдельным эпизодом в мировом государственном устройстве, случайно и однократно проявившимся в результате исключительных обстоятельств. Отменить её не позволяет ни древнейшая, ни более поздняя история. Исторически сквозное существование данного «проекта» имеет много оснований, среди которых – властная, административная централизация, единое экономическое пространство, денежная монополия.

Другим основанием обращения к понятию империи является то, что, по мнению ряда исследователей, оно является наиболее точным выражением природы и тенденций современного мирового порядка, процессов глобализации. Известная работа М. Хардта и А. Негри «Империя» начинается словами: «У нас на глазах Империя обретает плоть. За последние несколько десятилетий... мы стали свидетелями непреодолимой и необратимой глобализации экономических и культурных обменов. Вместе с глобальным рынком и глобальным кругооборотом производства возникает и глобальный порядок – новая логика и структура управления, короче говоря, новый вид суверенитета. Империя становится политическим субъектом, эффективно регулирующим эти глобальные обмены, суверенной властью, которая правит миром» [2, с. 11].

При всем терминологическом многообразии империя как некое государственное образование обладает одним не вызывающим споров признаком – наличием разных

[1] Миллер А. Российская империя и русский национализм. Режим доступа: https://stepik.org/course/5423/promo (дата обращения: 30.10.2019).

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

народов и разных религий, конфессий. Соответственно, еще одно крайне важное обстоятельство, побудившее к рассмотрению понятия империи, – наша история. Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., православные, включая старообрядцев, составляли чуть больше 71 % от всего населения, магометане – около 11 % [12, с. 114]. По расчетам Н. А. Рубакина, самыми крупными в распределении населения «по племенам и национальностям» были русские, в том числе украинцы и белорусы, – 65,5 %; турки, татары – 10,6 %; поляки – 6,2 % и др. [13, с. 35]. Напомним, что определяющим критерием было вероисповедание. Важным был и используемый язык. Вопроса о национальности в современном прочтении не было, это пришло и приобрело значимость уже в советское время. Государственные принципы отношения к иноверцам, политика веротерпимости были заложены Екатериной II и сформулированы в «Наказе» 1767 г.: «В том великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер. И нет подлинно иного средства, кроме разумного дозволения их законов»[2].

Наконец, четвертым посылом к рассмотрению данной политии стало то, что «пожалуй, нигде и никогда вопрос позитивного или негативного отношения к империи не стоял так остро и не был столь противоречив, как в современной России» [3, с. 42]. Итак, совокупность исторических и современных факторов и обстоятельств делает обращение к данному понятию вполне обоснованным и своевременным.

Теоретические подходы к рассмотрению понятия империи

Общепринятой, устоявшейся, всеми разделяемой точной и развернутой интерпретации понятия империи на сегодня не сложилось. Нет однозначности и в оценочном восприятии роли империй. Даже беглый историко-социальный, политический экскурс лишает процесс образования империй какой-либо ретроспективной идеализации. Вместе с тем не замечать или игнорировать их позитивную составляющую в мировой истории не стоит. Однако, и в прошлом, и в настоящем империи меняют соотношение сил и мировой порядок.

Среди причин многовариативности и альтернативности понятия империи А. Миллер называет то, что данная полития «эволюционирует во времени и приобретает разные формы», является такой сложной и многогранной, что «всякое определение описывает только какую-то грань»[3]. Существует и довольно крайняя точка зрения – империя не отвечает критериям государства, соответственно не является государственным образованием.

Еще один фактор, обусловивший полемичность – данное «понятие никогда не было нейтральным, оно всегда было политически нагруженным»[4]. При этом диапазон различий включает крайние оценки. Для некоторой части профессионального и любительского сообщества это заведомое и однозначное воплощение негативного опыта государственного устройства, для других – апробированная и эффективная политическая модель. Более того, как пишет Д. Ливен, оно «часто имело разный смысл для людей, живущих в одной и той же стране и в одно и то же время» [3, с. 39]. В попытке сгладить оценочный антагонизм заметим – историческая продолжительность существования империй позволяет говорить о наличии в них конструктивного потенциала. Резюмируя, отметим – полемичность трактовок и оценок данного понятия мы будем рассматривать как его атрибут и некую данность, а саму политию просто как тип, форму существования государства, без каких-либо эмоционально-оценочных коннотаций.

Обращаясь к почтенной юридической интерпретации понятия, проследим его историю. Идея империи восходит по меньшей мере к временам Древнего Рима, «благодаря чему политико-правовой образ Империи тесно переплелся с христианскими корнями европейской цивилизации» [2, с. 25]. Здесь понятие империи «в качестве органического целого» [2, с. 25] соединило правовые категории с универсальными этическими ценностями. Несмотря на все превратности истории, эта связка, этот союз присутствовал в понятии империи постоянно. Логика рассуждений здесь следующая: всякая правовая система – это своего рода результат кристаллизации определенной системы ценностей, проявлений морали, лежащей в основе любой системы права. Особенность империи в том, что «она доводит совпадение и универсальный характер этического и юридического принципа до предела» [2, с. 25]. С точки зрения авторов – известного американского литературоведа Майкла Хардта и итальянского политического философа Антонио Негри – империя – это мир и гарантии справедливости для всех живущих в ней народов. Идея империи представляется «в образе глобального оркестра под управлением одного дирижера как единая власть, которая сохраняет социальный мир и производит этические истины. Для достижения данных целей единственная и единая власть наделена соответствующей силой, чтобы вести, когда это необходимо, "справедливые войны": на границах – против варваров, и внутри – против бунтовщиков. Поэтому с самого начала Империя приводит в движение этико-политическую

[2] Наказ ее императорского величества Екатерины Второй самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Л. Ф. Пантелеева, 1893. С. 160–161.

[3] Миллер А. Российская империя и русский национализм...

[4] Там же.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

динамику, лежащую в самом сердце ее юридического понятия» [2, с. 25]. Империи создаются «не только на основе одной лишь силы, но и на основе способности представлять эту силу залогом права и мира. Имперские армии всегда вторгались по настоятельным просьбам одной или нескольких сторон, уже вовлеченных в существующий конфликт. Империя рождается не по собственной воле. Скорее, ее вызывает к жизни и конституирует присущая ей способность разрешать конфликты» [2, с. 29]. Однако создание империи и ее вмешательства «становятся юридически легитимными только тогда, когда Империя включена в цепь международных соглашений, цель которых – разрешение уже существующих конфликтов» [2, с. 29]. Расширение империи – не проявление волюнтаризма, оно «определяется внутренней логикой конфликтов, которые она призвана разрешить» [2, с. 29].

Один из ведущих представителей исторической социологии Ч. Тилли дает такое определение понятия империи: «Империя – это большая *сложносоставная* полития, части которой связаны с центральным правительством системой *непрямого* правления. Центральная власть осуществляет *военный* и *фискальный* контроль над каждым сегментом своих имперских владений, но терпит два важных элемента этого непрямого правления. Во-первых, это *сохранение* или создание *особенных* свойственных только этим территориям *форм* правления. Во-вторых, это осуществление правления через *посредников*, которые пользуются существенной автономией в своих владениях, предоставляя в ответ центральной власти послушание, дань и военное сотрудничеств» [4]. Как отмечает А. Миллер, «Тилли вводит очень важное понятие непрямого правления, т. е. империя очень часто использует посредников, т. е. местные элиты. Одна из *причин*, почему Империя на большей части своей территории использует непрямое правление – у нее просто нет бюрократического аппарата, который бы мог обеспечить то, что мы называем прямым правлением – когда не только главенствующее лицо, но и его аппарат присылаются, назначаются из Центра»[5]. Соответственно, согласно определению Ч. Тилли, атрибутами непрямого правления являются: военный и фискальный контроль центра над подчиненной областью; сохранение местной элиты в качестве основы бюрократического аппарата.

Развивая теорию государства, Ч. Тилли отмечал, что в его организации должна учитываться социальная, классовая структура подвластного населения. Если население государства раздроблено и гетерогенно, возможность полномасштабного восстания снижается, но одновременно возрастает сложность проведения единообразных административных мер. Среди однородного плотного населения велики шансы того, что «административные инновации, вводимые и испытанные в одном регионе, будут работать повсюду» [4, с. 153]. В подобных условиях чиновники могут легко распространять свои знания из одной местности в другую. Говоря о социокультурной гомогенности / гетерогенности обществ, Ч. Тилли отмечал, что «при переходе от дани к налогам, от непрямого правления к прямому, от подчинения к ассимиляции, государства обычно преуспевали в гомогенизации своего населения и разрушении разделений» [4, с. 153]. В качестве механизма, обеспечивающего связность и солидарность общества, традиционно служат общий государственный язык, религия, денежная система и законодательные нормы. Помимо этого стоит назвать систему транспортных и иных коммуникаций, торговые связи. Если подобные действия по выравниванию угрожали исходной идентичности подвластного населения, тогда эти усилия наталкивались на массовое сопротивление. В связи с этим «стремление правителей гомогенизировать население по ходу установления прямого правления» [4, с. 161] Ч. Тилли называет «одной из самых сомнительных попыток организации государственной власти» [4, с. 161]. Причина этого заключается в том, что, по мнению власти, «лингвистически, религиозно и идеологически гомогенное население создавало риск выступления против королевских интересов единым фронтом; гомогенизация увеличивала стоимость политики "разделяй и властвуй"» [4, с. 161–162]. Однако другим, выигрышным аспектом являлось то, что «гомогенность имела множество преимуществ: в однородном обществе простые люди легче идентифицировали себя со своими правителями, эффективнее была коммуникация, проводились административные инновации, которые, будучи приняты в одном сегменте общества, с большей вероятностью срабатывали и повсюду. Больше того, люди, сознававшие общность происхождения, легче объединялись для борьбы с внешней угрозой» [4, с. 162]. Многие европейские государства, в том числе Испания и Франция, время от времени проводили религиозную «гомогенизацию, предоставляя религиозным меньшинствам – в особенности, мусульманам и евреям – выбор: обратиться или эмигрировать» [4, с. 162].

Практика достижения цельности в разных империях была неодинаковой. В самой большой в истории Монгольской империи «племена намеренно разбивались», а их идентификационные приоритеты и привязанности намеренно «перефокусировались на военные подразделения и прежде всего на верность монгольским правителям. Отличительные черты племен, такие как традиции причесок, были искоренены, вместо этого был насильно введен стандарт внешнего вида подданного» [14]. Для усиления языковой однородности, что необходимо при ведении военных действий, и ослабления родственных и земляческих уз подчиненные и завоеванные народы были разбросаны по всей территории империи. Это облегчало процессы военной мобилизации и этнокультурной ассимиляции. Помимо этого, для того чтобы укрепить новый государственно-политический порядок, вместо

[5] Там же.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

изначальных «этнических имен и названий были введены новые». Дополнительно все это «было усилено централизованной системой наград и распределения добычи». В отличие от политики в сфере племенных различий, которые «уничтожались», по отношению к религиозным верованиям монголы проявляли «замечательную лояльность». В вопросах религии они были «очень расслаблены и терпимы». Еще со времен Чингиз-хана свите вождя было разрешено выбирать любую религию, которую им хотелось. Как писал один персидский автор, сам Чингиз-хан «уважал мусульман, но в то же время держал во внимании христиан и "многобожников", т. е. буддистов». Такая же практика сохранялась и преемниками Чингиз-хана – «они были вольны руководствоваться своей совестью и в вопросах выбора религии были предоставлены сами себе. Некоторые из них избирали ислам, другие – христианство». Более того, «в истории Монгольской империи можно найти множество примеров того, как высокопоставленные лица обращались из христианства в ислам и наоборот. Они меняли религию по собственному усмотрению». Однако, «были и те, которые следовали верованиям своих отцов и дедов, так и не склонившись ни к какой религии». Наряду с другими причинами, среди составляющих подобной религиозной терпимости и беспринципности был «тонкий политический расчет». Инстинктивно монголы понимали, как должны вести себя строители великих империй: рука об руку с военной мощью должны идти «терпимость и продуманное управление». Так, на Руси это было «полное освобождение церкви от налогов и воинской повинности». Важной частью успешного расширения империи было «покорение сердец и умов» [14, с. 198–201].

Характерной особенностью империи, как считает А. Ф. Филиппов, является «ее внутренняя разнородность, существование в ее рамках отдельных сообществ, отдельных корпораций, культурных или территориальных образований. Она включает их в себя, но не интегрирует в некое однородное целое, не имеет возможности и даже намерения довести этот неоднородный конгломерат до состояния полной однородности» [8, с. 580; 9]. Вместе с тем для поддержания общественной солидарности необходимы связующие идеи, культура, ценностно-нормативное ядро.

Начиная с XV в. западноевропейские державы стремительно осваивали новые территории и создавали империи далеко за пределами своего континента. Отличительной особенностью Российской империи являлось то, что ее территория представляла собой сплошное континентальное пространство без разрывов и промежуточных земель, принадлежащих другим государствам. Географическая близость, отсутствие естественных природных границ и барьеров между Россией и присоединяемыми, завоеванными ее территориями придавали данному процессу определенную геополитическую закономерность, характерную для того времени. Отсутствие водных и других географически разделяющих препятствий способствовало внутренней миграции, межкультурным контактам и обмену, кровно-родственному смешению и территориальной и социальной мобильности. Такой внутриконтинентальный процесс включения во многом определил характер последующих отношений между центром и окраинами, между русским и другими, новыми, вошедшими в состав России народами.

По мнению М. З. Юрьева, принципиальное отличие Российской империи, в частности от Британской, вытекает из самого определения понятия. «Империя – это такое государство, у которого существуют некие цели, выходящие за пределы элементарного поддержания собственного существования и роста материального благосостояния подданых… Цель империи – отнюдь не грабеж и не использование ресурсов контролируемых территорий. Это тоже может иметь место, но лишь в качестве вторичных, сопутствующих тенденций. Цель – обустройство присоединенных пространств в соответствии со своими представлениями о правильном жизненном устройстве и государственном порядке… С этой точки зрения многие страны, называвшиеся и считающие себя по сию пору империями, на самом деле таковыми не являлись и не являются. Скажем, Британская империя империей ни в малейшей степени не была, поскольку расширялась исключительно с целью повышения благосостояния метрополии (собственно Англии) и ничего другого. Ни в один из периодов жизни Британской империи не было и намека на сближение, а тем более на смешение понятий "Англия" и "английские владения"; это всегда были четко различаемые сущности» [10, с. 170]. Исходя из этого, одной из базовых характеристик империи является наличие доминирующей идеи, миссии по отношению ко всем живущим в ней народам. Как пишет Терри Мартин, Советский Союз, став преемником распавшейся Российской империи, не только сохранил и вернул большую часть приграничных территорий, но Советское государство «систематически создавало и укрепляло входящие в его состав нерусские нации даже там, где их практически не существовало» [15]. Он был первой в мировой истории страной, в которой «были разработаны программы положительной деятельности в интересах национальных меньшинств, …до сих пор еще ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности» [16, с. 20]. С этой точки зрения, СССР как «империя положительной деятельности не была традиционной империей» [15].

Заключение

Одним из базовых признаков империи является ее гетерогенность с точки зрения культуры, религии, этнического состава населения. Наряду с этим, к атрибутивным маркерам имперского государства относят большую территорию, централизованную власть, управление из одного

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

центра. Вместе с тем приведенные интерпретации понятия империи доказывают многоплановость данной политико-правовой формы государства. Отчасти это связано с историей формирования империй, разным соотношением административных, экономических, военных, идеологических, религиозных методов государственного управления. В свою очередь, выбор государственной стратегии и форм административно-территориального устройства определяется спектром имеющихся возможностей и ресурсов. Иными словами, несмотря на то, что логика функционирования имперских государств в значительной степени одинакова, говорить об однолинейности и универсальности каких-либо практик представляется не вполне обоснованным и избыточно схематичным.

Современные процессы глобализации, вопросы границ государственного суверенитета породили научный и общественный интерес к данной форме государственного устройства. Появление неоимперских концепций, рассмотрение империи как транснациональной политии не позволяет связывать данное понятие исключительно с устаревшими и отжившими формами государственной и политической организации. Надо полагать, что содержательное наполнение понятия империи, сохраняя уже привычные признаки, будет меняться и далее. Обладая определенным эссенциалистским смыслом, оно все больше будет приобретать дискурсивный характер, трактоваться как открытая динамичная полития, имперская ситуация.

Литература

1. Миллер А. История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4. С. 118–134.
2. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
3. Ливен Д. Российская империя и ее враги. М.: Европа, 2007. 688 с.
4. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
6. Burton A. M. After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation. Durham: Duke University Press, 2003. 384 p.
7. Gammerl B. Subjects, citizens, and others: administering ethnic heterogeneity in the British and Habsburg Empires, 1867–1918. N. Y., Oxford: Berghahn Books, 2017. 312 p.
8. Филиппов А. Ф. Империя в состоянии распада // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 578–590.
9. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 89–120.
10. Юрьев М. З. Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 65–182.
11. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. 328 с.
12. Солодова Г. С. Поликультурность Российского государства: по материалам Первой Всеобщей переписи // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16. № 3. С. 113–121.
13. Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (на основании официальных и научных исследований). СПб.: Вестник Знания (В. В. Битнера), 1912. 216 с.
14. Франкопан П. Шелковый путь. М.: Эксмо, 2018. 688 с.
15. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
16. Сабов А. Неудобная нация. Гарвардский профессор – о «русском вопросе» // Огонек. 19.08.2019. № 32. С. 20.

DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

Forms of State Structure: Terminological Aspect of the Concept of Empire

Galina S. Solodova [a, b, @]

[a] Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, Russia, 630090

[b] Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, 86, Kirov St., Novosibirsk, Russia, 630102

[@] gsolodova@gmail.com

Received 05.11.2019. Accepted 03.12.2019.

Abstract: The growth of territorial mobility and ethnocultural diversity determines the search for new models of domestic and foreign policy. As a result, the almost forgotten word "empire" returns to scientific and journalistic discourses. This applies to both domestic and foreign practice. *Objective*. Terminological certainty and conceptual consistency is the key to scientific effectiveness. The present research featured various interpretations of the concept of empire. The author intended neither to oppose nor to promote the imperial form of government. The research objective was to contribute to a more complete and impartial understanding of the term by removing its negative connotation. Research methodology. The article represents the results of theoretical and comparative analyses of the concept of empire as a form of government. Results. Based on domestic and foreign studies, the author reviewed various interpretations of the concept of empire. The article focuses on its multidimensionality, debatability, and modern interpretations. Implementation. The heterogeneity of territories, periods, and management mechanisms of various empires can serve as a kind of prism for assessing modern realities and social strategies. Conclusions. Due to their historical diversity, various types of imperial government fail to fit into the same scheme. If the empire is a "transnational polity", then this form of state and political organization is neither archaic nor obsolete.

Keywords: globalization, polity, direct government, indirect government, homogeneity

For citation: Solodova G. S. Forms of State Structure: Terminological Aspect of the Concept of Empire. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(4): 361–366. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366

References

1. Miller A. A nation-state or a state-nation? *Rossiia v globalnoi politike*, 2008, 6(4): 118–134. (In Russ.)
2. Hardt M., Negri A. *Impire*. Moscow: Praksis, 2004, 440. (In Russ.)
3. Lieven D. *Russian Empire and its enemies*. Moscow: Evropa, 2007, 688. (In Russ.)
4. Tilly Ch. *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Moscow: Territoriia budushchego, 2009, 328. (In Russ.)
5. Huntington S. *The clash of Civilizations.* Moscow: AST, 2003, 603. (In Russ.)
6. Burton A. M. *After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation.* Durham: Duke University Press, 2003, 384.
7. Gammerl B. *Subjects, citizens, and others: administering ethnic heterogeneity in the British and Habsburg Empires, 1867–1918.* N. Y., Oxford: Berghahn Books, 2017, 312.
8. Filippov A. The Empire is in a state of decay. *Russian state: yesterday, today, tomorrow*, ed. Kliamkina I. M. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2007, 578–590. (In Russ.)
9. Filippov A. F. The observer of the empire (empire as a sociological concept and political problem). *Voprosy sotsiologii,* 1992, 1(1): 89–120. (In Russ.)
10. Iuriev M. Z. A natural variant of the state system for Russians is a mixture of ideocracy and imperial paternalism. *Russian state: yesterday, today, tomorrow*, ed. Kliamkina I. M. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2007, 65–182. (In Russ.)
11. Kamenskii A. B. *Russian Empire in the XVIII Century: Traditions and Modernization*. Moscow: NLO, 1999, 328. (In Russ.)
12. Solodova G. S. Multicultural society of the Russian state – based on the materials of the first all-Russian census. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2018, 16(3): 113–121. (In Russ.)
13. Rubakin N. A. *Russia in numbers: Country. People. Estates. Classes: The experience of the statistical characteristics of the class-class composition of the population of the Russian state (based on official and scientific studies)*. St. Petersburg: Vestnik Znaniya (V. V. Bitnera), 1912, 216. (In Russ.)
14. Frankopan P. *The Silk Roads*. Moscow: Eksmo, 2018, 688. (In Russ.)
15. Martin T. *Empire of "positive activity." Nation and nationalism in the USSR*, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011, 855. (In Russ.)
16. Sabov A. Inconvenient nation. Harvard professor – about the "Russian question". *Ogonek*, 19.08.2019, (32): 20. (In Russ.)